

А «близкий» КТО?!

Жолнер Диана Сергеевна,
ГУО «Средняя школа №34 г.Минска»

Есть одна любопытная евангельская притча о добром самарянине, которая раскрывает суть понятия «близкий человек»: «Некоторый человек шёл из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шёл тою дорогою и, увидев его, прошёл мимо. Также и левит, быв на том месте, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашёл на него и, увидев его, сжалился. И, подошедши, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привёз его в гостиницу и позаботился о нём. А на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нём; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же».

Именно этот, совершенно чужой с точки зрения родственных связей, человек оказался близким тому человеку, который попал в беду. Эта трактовка противоречит современному восприятию понятия «близкий человек». Но противоречит ли она сути? Кто в современном нам мире довольно часто оказывается близким тем, кто нуждается в постоянной и неотложной помощи?

Вы не поверите: социальный работник! Да, именно социальный работник в 70% из 100% оказывается самым близким и надежным человеком для тех, кто попал в тяжелую жизненную ситуацию.

Это открытие для меня было неожиданным, ведь еще совсем недавно я, как и многие другие люди, не испытывавшие в жизни сложно преодолимых трудностей, относилась к социальной службе слегка пренебрежительно, даже с некоторой опаской.

Этим летом мне довелось погостить в деревне у знакомых. Старушка, у которой я поселилась, была мила и приветлива. Ее трудолюбие, жизнерадостность, живость приводили меня в восторг. Я как-то спросила, откуда у нее берутся на все силы. «Так а как? Вот внуча приехала, угостить надо... Небось, там у вас, в городе, таких вкусностей и нет. Я ж сама вырастила, все с любовью... Знала, мои приедут – угостить надо да с собой положить. А то жить-то на что? ... \смеется\. Держит на этом свете одно – дети да внуки. Жду, что вот приедут да радость в доме будет... А то что ж? И поговорить не с кем. Мой-то давно помер, земля ему пухом... Но мне ничего, мои – молодцы, не забывают, звонят, приезжают, волнуются. А то вон как у Пашвихи (соседка справа)! Так и дети есть, и внуки уже большие, а воды подать некому! Срам, да и только! Уже не ходит почти, так то я, то другая соседка забежим, поесть принесем, два слова скажем... Так она цалаваться лезет, плачет навзрыд, благодарит...»

Зашла и я к соседке. Сухонькая такая старушка, сгорбленная, маленькая, вся укутанная в тряпье какое-то. Сидит в полутьме и на стену смотрит, где пару черно-белых и цветных фотографий висит. И достаточно современный телевизор в доме есть, и техника, какая-никакая, имеется. А она сидит и смотрит на фотографии, и жизнь остановилась в ее глазах. Отдала ей «привет» от соседки, сижу, жду, пока поест, чтобы посуду забрать, разговорились. «...Там и дочечка моя младшая, да сынок – золотая голова. Совсем взрослые уже стали, живут там, и семьи у них есть, и внучата уже

подросли. /показывает на фотографию/. Вот Митенька мой и Наташка, совсем маленькие тут еще, птенчики. А сейчас и фотографии их нет. Звонить стали редко совсем. Да и приезжали с год уже как... Да что, я не жалуясь, работа у них, времени нет... Я-то пенсию получаю, жить есть за что. Да и люди не забывают, заходят. Вот и телефон дочка подарила, модный, без провода, только я сама звонить не умею... Мне бы только видеть их почаще. Деток своих обнять, послушать про жизнь их. Время на старости лет течет незаметно: то быстро, то совсем медленно. Ложусь, и становится мне грустно-грустно от того, что нет рядом со мной моего сыночка, моей доченьки, внучков. Не с кем поговорить, некому рассказать свою жизнь... Забирали меня в город, так еще хуже, чем здесь... Людей не видишь. А дети мои что? Дети на работе, придут уставшие, так меня еще кормить надо. Внуки в школах, в садах, а что ж я одна-то буду в четырех стенах, так хоть выйти могу, воздухом подышать. Тяжело им... Так я назад попросилась... Да и как я дом-то свой оставлю? Место тут моё. Всю жизнь здесь на земле проработала вот этими руками. Эта земелька мне сил приносит ... Да я и не в обиде, не со зла же они, хорошие у меня дети, заботливые. Вечерами бывает становится тоскливо-тоскливо, но быстро я усмиряю эту боль душевную. Знаю: не сегодня-завтра доченька позвонит. Вот пять минуток со мной поговорит и уже радостно на душе становится. Потом день и думаю: «Не забывает дочка старушку-мать свою».

Это знакомство что-то перевернуло во мне, задело какую-то струну в моей душе. Я расспросила старушку, у которой жила, и узнала, что, действительно, дети – редкие гости у ее соседки, но наняли социального работника, который два-три раза в неделю приезжает к ней и помогает по хозяйству.

Социальным работником оказалась приветливая и жизнерадостная женщина лет 40-45. Мой интерес к ее работе несколько удивил ее и даже, как мне показалось, испугал, но, убедившись, что никакой задней мысли у меня нет, женщина с удовольствием рассказала о себе и о своей работе.

«Что тут рассказывать? Нечего! Вот езжу по селам, что рядом, и помогаю старикам по дому... Кому продуктов купить, кому постирать, прибраться... Да и живого человека всем им увидеть хочется! /улыбается/ Нууу родственники почти у всех есть, да жизнь у каждого своя – не наездишься! Да и старость... она капризная, требовательная... /задумывается/ Вот приеду, начну убирать, а моя бабушка-свет и ворчит тут же: «Тишей ты тряпкой маши: скло сцарапаешь!» А я ей так с улыбкой: «Не переживай, мой свет, не впервой: и чисто будет, и не поцарапаю!» Так она глянет, улыбнется и начнет оправдываться... Я ж понимаю, что не со зла она, а так, чтобы хоть словом, да участвовать в общей работе. /задумчиво улыбается/ Всем им внимания хочется, заботы, да где на всех время найти? Вот у меня десять стариков под присмотром. Двух-трех в день нужно посетить, а каждый живет в трех-шести километрах от моего дома... Пока доберешься, пока то-се переделаешь – глядишь: часа три будто корова языком слизала! Где тут чаевничать да лясы точить?! /задумывается/ Да и дома у меня хозяйство большое... Да трое своих детей... Тоже и накорми, и обстирай, и убери, и уроки с ними сделай... На все время надо! /улыбается/ Но я стараюсь вот хоть при работе поговорить, новости порассказать и стариков своих послушать, а на праздники, если муж свободен, так и в клуб на концерт вожу! /смеется/ То-то вот радости! Целое событие для них!.. Да я и сама к ним прикипела... уже будто и свои... Все хочу чем-нибудь их порадовать!»

После такого знакомства попробуй разберись, кого считать близким: того, кто нанял соцработника, чтобы было время на курорт ездить, или этого соцработника, который греет своим душевным теплом и собственную семью, и чужих стариков?

А социальные педагоги в школе? Кто они для тех учащихся, которые оказались в социально опасном положении? Я думаю, такой же лучик света, как и соцработники – для забытых детьми родителей... Именно они пытаются вразумить непутевых родителей и принудить их заботиться о собственных детях, именно они ищут подход к трудным подросткам, пытаются дать им шанс на достойное будущее.

А сиделки при лежачих больных? А тьюторы? А те, кто помогает людям без определенного места жительства вернуться к достойной жизни?

Все эти люди, выбравшие социальную службу в качестве профессии, - настоящие героини нашего времени: никакими деньгами (а у большинства социальных работников заработная плата до обидного низкая, можно сказать, нищенская!), никакими званиями и наградами нельзя отблагодарить этих людей за тот свет, которым они освещают жизнь тех, кто оказался в тяжелой ситуации, за то тепло, которым они отогревают тех, от кого отвернулись или стараются держаться подальше родные и друзья, за бескорыстную и истинную любовь, которой они одаривают всех без исключения людей, но особенно тех, кто оказался на обочине жизни по той или иной причине.

Как же так получилось, что технологии освободили нам время, сэкономили наши силы, но вынули часть нашей души? Или это плата за комфорт, успешность, медийность?

Столько веков люди жили без социальной службы, сами себя обслуживали, добивались успехов на профессиональном поприще и находили время вырастить детей, досмотреть стариков и инвалидов. А в наш век – в век технологического прогресса – без социальной службы никуда?!

Об этих стойких бойцах невидимого фронта не пишут в газетах, их профессиональный праздник не отмечается масштабно и широко. Скорее, о них предпочитают молчать или говорить как можно тише: это же укор всем нам, показатель того, насколько мы духовно обнищали...

Давайте же будем честны сами с собой и друг с другом и выкажем заслуженное уважение социальным работникам – людям, которые не работают в социальной сфере, а живут болью, проблемами и несовершенствами нашего общества, покрывая, исцеляя и уравнивая все это своим душевным теплом, сердечным участием и любовью.